

Заозерский Н. А., проф. Филарет [Дроздов], митрополит Московский, как служитель слова: [Речь на юбилейном, в память 40-летия со дня кончины митр. Филарета, собрания Московсчкой Духовной Академии 19 ноября 1907] // Богословский вестник 1907. Т. 3. № 11. С. 550–568 (2-я пагин.).

Филаретъ, Митрополитъ Московскій, какъ служитель Слова ¹⁾.

Ваше Преосвященство,
М. Гг.

40 лѣтъ тому назадъ 19-го ноября съ быстротою молніи, хотя не было тогда ни телеграфовъ, ни телефоновъ, облетѣла Москву, а затѣмъ и всю Россію, вѣсть: „Филаретъ умеръ“.

Кто взялъ бы на себя трудъ перечитать газеты за эти дни 1867 года, тотъ узналъ бы, что эти два слова произвели нисколько не меньшее движеніе, какое недавно производили роковыя вѣсти объ объявленіи японской войны, или паденіи Портъ-Артура...: Вотъ напр. что писалъ И. С. Аксаковъ въ газетѣ „Москва“:

„Митрополита Филарета не стало..... Упразднилась сила, великая, нравственная, общественная сила, въ которой весь русскій міръ слышалъ и ощущалъ свою собственную силу,— сила, созданная не извнѣ, порожденная мощью личнаго духа, возросшая на церковной народной почвѣ. Обрушилась громада славы, которою красовалась церковь и утѣшался народъ. Отжита на вѣкъ та великая, долгая современность, что обняла собою пространство полвѣка, что перебыла длинный рядъ событій и поколѣній и какъ бы уже претворилась въ неотъемлемое историческое достояніе Москвы, въ ея живую стихію, которой, казалось, ей неизбыть и во вѣки... Угасъ свѣтильникъ, полстолѣтія свѣтившій на всю Россію, не оскудѣвая, не померкая, но какъ бы питаясь приумноженіемъ

1) Речь, произнесенная на юбилейномъ собраніи Московской Духовной Академіи 19-го Ноября 1907 г. (въ память 40—лѣтія со дня кончины м. Филарета).

лѣтъ и выступая ярче, по мѣрѣ надвиженія сумрака жизни. Смежилось неусыпающее око мысли. Прервалось полустолѣтнее назиданіе всеѣмъ русскимъ людямъ—въ данномъ примѣрѣ неустанно бодрствующаго и до конца бодрствовавшаго духа. Смолкло художественное, важное слово, полвѣка и болѣе полвѣка раздававшееся въ Россіи, то глубоко проникавшее въ тайны Богопознанія, то строгой и мощной красотой одѣвавшее разумъ Божественныхъ истинъ“¹⁾.

Въ теченіи 40-ка лѣтъ громада славы Филарета не только не падала, но какъ будто еще возрастала. До сихъ поръ еще продолжается изданіе всего, что писалъ онъ, и что о немъ писалось. И въ неизмѣримомъ большинствѣ все это только возвышало *громаду славы*.

Но тѣмъ неожиданнѣе именно въ настоящій юбилейный годъ весьма солиднымъ органомъ печати изданы записки знаменитаго нашего историка С. М. Соловьева, въ которыхъ удѣляется нѣсколько страницъ и характеристикѣ Митр. Филарета.

Конечно Вамъ хорошо извѣстенъ изданный документъ. Впечатлѣніе его таково, что какъ будто заставляетъ согласиться, съ словами И. С. Аксакова, что *обрушилась громада славы*.

Суммируя кратко характеръ м. Филарета по этому документу, мы будемъ вынуждены произнести такія тяжкія слова:

М. Филаретъ былъ крайне испорченнымъ человѣкомъ, принадлежащимъ къ масонской партіи, льстецомъ, деспотомъ, обскурантомъ, святымъ въ глазахъ московскихъ барынь, хищнымъ животнымъ, подъ гнетомъ котораго наставники академіи и семинаріи терпѣли неслыханныя истязанія....

Признаюсь, меня смущала мысль—*удобно ли, даже прилично ли произносить эти слова въ этомъ высшемъ христіанско-просвѣтительномъ учрежденіи, которымъ полвѣка управлялъ м. Филаретъ, которымъ занимался болѣе, чѣмъ кто-либо изъ православныхъ іерарховъ, который внесъ и свой матеріально-цѣнный вкладъ въ него на вѣчное о себѣ молитвенное воспоминаніе. Прилично ли произносить эти слова въ нынѣшній день памяти его, когда по языческимъ (а не только по христіанскимъ) нравамъ заповѣдуется или ужъ ничего не*

¹⁾ Газета Москва 1867 г. № 184.

говорить, или говорить только хорошее—вѣнчать юбилейнымъ вѣянкомъ.

Но это смущеніе отогнало въ моемъ сознаніи воспомина-ніе о чисто христіанскомъ празднованіи и почтеніи отшедшихъ въ вѣчность послѣдователей Христа, закончившихъ свое послѣдованіе Христу въ мукахъ страданій, и судомъ міра заклеяемыхъ навсегда именемъ злодѣевъ, враговъ рода человѣческаго. Въ моемъ сознаніи возникаетъ и перѣдкая картина гробницы христіанской, украшенной не благоуханными красивыми вѣнками, а позорными вещественными орудіями мірской казни; это—терновые вѣянцы. Злорѣчіе и клевета—это вѣянцы отъ терній.

И я знаю, что бравшіе на себя трудъ собранія такихъ вѣянцевъ терновыхъ—не заслуживали порицанія, а напротивъ снискивали признательность за собраніе и храненіе терній, сопровождавшихъ крестный путь усопшаго. И не трудно понять смыслъ этого: злорѣчіе страшно для маленькаго человѣка; но тамъ гдѣ на лицо подвигъ, оно—ничто. Даже клевета—спутникъ весьма часто святости. Отъ нея не оградилъ себя и первый Крестоносець.....

И вотъ я думаю, что послѣдуя этимъ примѣрамъ въ настоящій день я не заслужу Вашего порицанія, если представивъ вниманію Вашему терніи для вѣнка приснопоминаемому іерарху, которые собралъ нашъ знаменитый историкъ, присоединю къ нимъ и нѣсколько другихъ, еще болѣе жесткихъ и колючихъ, которыми терзалась священная глава почившаго при его жизни. При этомъ я постараюсь дать отчетъ по документамъ, гдѣ я нашель эти терніи и когда они язвили крестный путь его.

Вотъ мое приношеніе въ вѣнецъ м. Филарета: онъ былъ еретикъ, революціонеръ, карбонарій, дѣятельный крамольникъ.

При этомъ я считаю долгомъ оговориться, что всю честь этой находки я долженъ отдать покойному проф. И. Н. Корсунскому, съ самоотверженною любовію собиравшему самыя разнообразныя вѣянцы и памятники жизни и дѣятельности м. Филарета.

Изъ разносторонней дѣятельности м. Филарета выступаетъ въ качествѣ главной, господствующей и наиболѣе характеризующей его болѣе полувѣковое епископское служеніе—та,

которая на языкѣ Св. Писанія называется „*служеніемъ Слову*“, или проповѣдь Евангелія. Этотъ наивысшій долгъ Апостольскаго служенія стоялъ предъ нимъ всегда на первомъ планѣ; ему м. Филареть отдавалъ все силы своего духа, все выдающіяся природныя дарованія. Исполненіе его доставило ему великую славу, оно же украсило его и терновымъ вѣнцомъ.

По условіямъ времени этотъ долгъ служенія Слову м. Филареть стремился исполнять слѣдующими средствами и путями: а) проповѣдываніемъ съ епископской кафедры, б) переводамъ библіи съ еврейскаго и греческаго текстовъ на русскій народный языкъ; в) составленіемъ катихизисовъ (малаго и пространнаго) и г) распространеніемъ слова Божія на разныхъ языкахъ въ качествѣ дѣятельнаго члена Библейскаго общества.

На этомъ то послѣднемъ пути служенія м. Филарета я и позволю остановитъ на нѣкоторое время Ваше вниманіе.

Можно ли прежде всего назвать это сочленство м. Филарета служеніемъ Слову?

Признаюсь я не настаиваю на утвердительномъ рѣшеніи этого вопроса и готовъ допустить—что и нельзя; но я въ данную минуту желаю высказать не свое мнѣніе, а возрѣніе самого м. Филарета. Оно выражено имъ въ рѣчи, произнесенной въ засѣданіи Москов. Отдѣленія Общества 1824 г. 12 августа. На этомъ засѣданіи заслушанъ былъ отчетъ о дѣятельности отдѣла за 1823 годъ. Здѣсь между прочимъ говорилось: а) объ изданіи Псалтири на грузинскомъ языкѣ, б) о дѣятельности сотрудниковъ общества по уѣздамъ Московской епархіи, при чемъ читано было между прочимъ увѣдомленіе Богородскаго сотрудника—корреспондента, что экземпляры Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ покупаютъ и старообрядцы, которые съ великимъ вниманіемъ и радостію читаютъ сію Божественную книгу на природномъ своемъ языкѣ, в) о требованіяхъ на Библію и Новый Завѣтъ на польскомъ языкѣ“ ¹⁾.

„Упомянувъ о разнаго рода отчетахъ (рабочій, хозяйственный и нравственный) м. Филареть останавливается на послѣд-

¹⁾ Сборникъ, изд. Общ. Люб. Дух. проsv. по случаю столѣтняго юбилея м. Филарета. М. 1883 Т. II, стр. 170—171

немъ и спрашиваетъ: какую нравственную прибыль принесло Библейское Общество—христіанскому человѣческому обществу? На требованіе такого отчета отвѣтствовать можно во 1-хъ, что такъ какъ существенный плодъ, который принести можетъ и приноситъ Библейское Общество чрезъ распространеніе книгъ Священнаго Писанія, а чрезъ нихъ истиннаго христіанскаго ученія, рождается въ сердцахъ: то единъ Сердцевѣдецъ можетъ вѣрно исчислить и оцѣнить плодъ духовный, какой въ сердцахъ рождается. Впрочемъ самое желаніе читать священныя книги во многихъ пробудившееся, по случаю *столь гласнаго ихъ распространенія*, есть уже залогъ нравственнаго ихъ улучшенія, подобно какъ въ тѣлесныхъ болѣзняхъ возбуждающееся желаніе пищи и правильный вкусъ полагается между признаками выздоравливанія. Во 2-хъ, на требованіе нравственнаго отчета въ продолжающемся нынѣ распространеніи чтенія священныхъ книгъ можно сказать, что сей отчетъ получать въ свое время потомки. Кто весною посѣялъ *сѣмя травное*, у того слѣдующею осенью можно спросить, сколько онъ собралъ: но кто посѣялъ *сѣмя плодovitаго дерева*, у того и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ иногда еще рано спрашивать, съ избыткомъ ли заплачено ему плодами за иждивеніе и труды сѣянія и возвращенія. Сѣющій сѣмя Слова Божія сѣетъ для вѣчности: не поздно будетъ, если сильный восходъ посѣяннаго болѣе окажется во второмъ, нежели въ первомъ родѣ, отъ сѣмени, которое падеть на мягкую землю юныхъ сердецъ при улучшенномъ воспитаніи. Въ 3-хъ, если бы кто захотѣлъ настоятельно требовать, чтобы ему показали, какое примѣтное дѣйствіе произведено усилиями здѣшняго Библейскаго Общества въ тѣхъ наипаче людяхъ, которые болѣе близки, и по нѣкоторому предварительному образованію болѣе кажутся способными къ принятію отъ онаго желаемыхъ впечатлѣній: да будетъ намъ позволено сей настоятельности противоположить нѣкоторую смѣлость, и просить вопрошающихъ, чтобы они размыслили, кто кому болѣе обязанъ въ семъ случаѣ отчетомъ: Общество ли людямъ, для которыхъ и между которыми оно дѣйствуетъ, или напротивъ они Обществу? Если бы въ странѣ, страждущей скудостію хлѣба, составилось Общество пропитанія, собрало пособія, открыло по мѣстамъ продажу хлѣба по умѣренной цѣнѣ, а для немущихъ безденежную раздачу онаго:

чего болѣе можно требовать отъ сего благотворительнаго Общества для сей страны? Обязано ли оно еще отвѣтствовать, если кто захочетъ лучше питаться кореньями, или чѣмъ нибудь подобнымъ, нежели покупать чистый хлѣбъ, или если въ какомъ присоединившаяся къ голоду болѣзнь совсѣмъ угасила желаніе пищи? Такъ, когда Библейское Общество съ своей стороны повсюду предлагаетъ священныя книги для напitanія страждущихъ голодомъ слышанія слова Божія: должно ли еще оно отвѣтствовать, довольно или не довольно пользуются сею здоровою и спасительною пищею. Не болѣе ли напротивъ оно въ правѣ, послѣ 10-ти своихъ отчетовъ хотя однажды предложить тѣмъ, для которыхъ оно трудится, чтобы и они подумали, не обязаны ли отчетомъ, если не Обществу, по крайней мѣрѣ себѣ самимъ, въ томъ, какъ пользовались доброжелательными для нихъ усиліями Общества?“ И далѣе въ примѣръ требованія подобнаго отчета ораторъ приводитъ слова св. Іоанна Златоуста изъ 2 и 5 бесѣдъ на Евангеліе отъ Матѳея о потребности чтенія Св. Писанія и поученія въ немъ и для *мірскихъ* людей, а не для однихъ монаховъ, при чемъ добавляетъ, что неисполненіе этого требованія во дни Златоуста могло еще имѣть извиненіе для себя въ томъ, что тогда не было книгопечатанія и слѣдовательно не было столь удобнаго способа къ умноженію и распространенію экземпляровъ книгъ Св. Писанія, какъ въ настоящее время. „Наконецъ (нужно) упомянуть о послѣднемъ отчетѣ, отъ котораго уже никому не можно будетъ уклониться, когда онъ будетъ потребованъ. Его потребуетъ само Слово Божіе, по непреложному изреченію Іисуса Христа: не приѣмай глаголь моихъ имать судящаго ему: слово, еже глаголахъ, то судить ему въ послѣдній день (Іоан. XII, 48). Какой дадимъ мы Ему отчетъ, если Оно нѣкогда скажетъ намъ: по правосудію, вы достойны были того, чтобы странствовать отъ моря до моря и отъ сѣвера до востока, и обтекать ищуще словесе Господня, и не обрѣсти (Амос. VIII, 12), но по милосердію къ вамъ Я странствовало по вашимъ городамъ и весямъ, ища васъ; почто вы Меня или не принимали, или не довольно искренно принимали? Почто не учились отъ Меня мыслить, чувствовать, дѣйствовать, жить, умирать и возставать въ воскресеніе жизни..... Божественное Слово! (обращается ораторъ къ самому слову)

живое и дѣйственное и судительное помышленіямъ и мыслямъ сердечнымъ! пріемлетъ Тебя сердце наше; и руки наши, по возможности передаютъ Тебя братіямъ нашимъ. Наставляй всѣхъ насъ, живи и дѣйствуй во всѣхъ насъ, суди и исправляй наши помышленія и расположенія сердечныя, и, по благодати Отца Слова, не осуди насъ въ послѣдній день“¹⁾).

Таково воззрѣніе м. Филарета на задачу Библейскаго Общества и на его личное дѣланіе въ его сочленствѣ: это есть *станіе Слова Божія*.

Но не такъ смотрѣли на это дѣло въ С.-Петербургѣ—именно въ той высшей правительственной сферѣ, которая по нынѣшнему называется „звѣздною палатою.“

Въ маѣ этого года совершилась крупная перемѣна, имѣвшая роковое значеніе для Библейскаго Общества, основаннаго по инициативѣ самого Государя: министерство просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ было отмѣнено; князь Голицынъ, стоявшій во главѣ этого министерства и предсѣдателемъ Библейскаго Общества, былъ удаленъ и долженъ былъ въ совѣтѣ у Государя уступить свое мѣсто графу Аракчееву. Этотъ премьеръ, выражаясь по нашему, собралъ, около себя слѣдующихъ сподвижниковъ—*отъявленныхъ враговъ Библейскаго Общества и въ частности м. Филарета*: адмирала Шишкова, Юрьевскаго архимандрита Фотія и попечителя Каз. учеб. округа Магницкаго. Предсѣдателемъ библейскаго общества былъ сдѣланъ м. Серафимъ, министромъ народнаго просвѣщенія адмиралъ Шишковъ.

И вотъ не далѣе какъ черезъ мѣсяць послѣ вышеупомянутаго Московскаго засѣданія Библейскаго Общества, именно 13 сентября, Мин. народ. просв. адмиралъ Шишковъ обратился съ слѣдующимъ отношеніемъ къ графу Аракчееву: „Преисповождаю къ Вашему Сіятельству Москов. Вѣдомости, въ которыхъ изволите увидѣть подъ статьею Москва 27 августа выписку изъ журнала Засѣданія Москов. Комитета Библейскаго Общества, гдѣ *успѣхи онаго превозносятся* и вслѣдъ за сею статьею возвѣщается о церковныхъ книгахъ, продаваемыхъ отъ Библейскаго Общества на славянскомъ, одномъ русскомъ и славяно-русскомъ языкѣ. Дѣлаются воззванія о

1) Проф. Н. Корсунскій: Святитель Филаретъ м. Московскій. Харьковъ 1894, стр. 50—52.

семъ, въ противность всякаго понятія о старообрядцахъ, не терпящихъ ни малѣйшаго измѣненія въ библейскихъ текстахъ, возглашается, что они съ радостію раскупаютъ и читаютъ Новый Завѣтъ на русскомъ языкѣ, и сей языкъ, какъ будто бы нѣкій особый, названъ ихъ природнымъ. *Таковая*, преимущественная предъ настоящими христіанами, *похвала старообрядцамъ* т. е. раскольникамъ, и увѣреніе, что русскій языкъ имъ особенно природенъ, есть явная и совершенная ложь, очевидно для того только проповѣдываемая, чтобъ возвысить расколы и уничтожить нашъ языкъ, на которомъ въ церквахъ производится служба и читается Евангеліе. Сія статья печатается въ Моск. Вѣд. спустя 3 мѣсяца послѣ перемѣны министерства народнаго просвѣщенія, и тогда, когда въ С.-Петербургѣ ничего о Библейскихъ Обществахъ не упоминается. Возможно ли Московскому Архіепископу не знать о сихъ расположеніяхъ и *безъ особеннаго намѣренія* допускать до подобнаго обнародованія статей, прежній духъ и *прежнее стремленіе къ потрясенію общаго спокойствія* обнаруживающихъ? На второмъ приложенномъ листкѣ Моск. Вѣдомостей Ваше Сіятельство усмотрите публичную продажу книгъ, изъ которыхъ главную часть, яко противныхъ всякой христіанской вѣрѣ и возмутительныхъ противъ правительствъ, надлежало бы *истребить*. Нѣкоторыя изъ нихъ были уже запрещены, но опять появились. Такъ, проницливое злонамѣреніе будетъ всегда стараться возставать и вновь усиливаться, если твердою рукою отъ покушеній своихъ не удержится! Мнѣ поручено министерство просвѣщенія: но какое просвѣщеніе можетъ быть тамъ, гдѣ колеблется вѣра? Если Библейскія Общества будутъ по прежнему существовать и, проповѣдуя пользу и распространеніе *въ христіанскомъ государствѣ христіанства*, въ самомъ дѣлѣ умножать только ереси и расколы, если церковныя книги для того, чтобы уронить важность ихъ, будутъ съ высокаго языка, слѣлавшагося для насъ священнымъ, переводиться невѣдомо кѣмъ и какъ на простонародный языкъ, какимъ мы говоримъ между собою *въ театрѣ*; если при распространеніи такихъ переводовъ (развѣ для того только нужныхъ, чтобы со временемъ не разумѣть церковной службы, или чтобы обѣдни служить на томъ языкѣ, на какомъ пишутся *комедіи*), еще сверхъ того съ иностранныхъ языковъ, вмѣсто нашихъ

молитвъ и евангельскихъ правоученій, переводиться будутъ такъ называемыя духовно-философическія, а по настоящему ихъ смыслу, карбонарскія и революціонныя книги; если говорю, все это будетъ продолжаться по прежнему, то я министромъ просвѣщенія быть не гожусь“¹⁾.

Но это еще начало болѣзней. Все, что удалось сдѣлать Шишкову, ограничилось *пока* тѣмъ, что м. Серафимъ, которому Аракчеевъ представилъ это письмо, какъ президенту Библ. Общества, въ письмѣ къ Филарету совѣтовалъ ничего не печатать о дѣятельности Общества ни въ какихъ Вѣдомостяхъ, а присылать въ Извѣстія Библ. Общ.

Но вотъ 1 ноября Шишковъ повернулъ дѣло круче.

Препровождая графу Аракчееву послѣднюю книжку Извѣстій Библ. Общества и краткій катихизисъ м. Филарета, министръ писалъ:

„Въ прежнихъ письмахъ моихъ имѣлъ я честь объяснить Вашему Сіятельству о продолжающихся и нынѣ покушеніяхъ и стараніяхъ продолжать собранія Библейскихъ Обществъ и распространять не переводы, а такъ сказать перекладку священныхъ писаній съ высокаго и важнаго языка на простонародное нарѣчіе: два сильнѣйшія орудія *революціонныхъ замысловъ*. Теперь почитаю себя въ необходимой обязанности препроводить къ Вамъ новѣйшія тому свидѣтельства, а именно: ежемѣсячно издаваемую книжку подъ названіемъ: *Извѣстія* о сихъ обществахъ, гдѣ ихъ дѣла до небесъ превозносятся, и другую: *Краткій катихизисъ* здѣсь, въ Синодальной типографіи недавно въ числѣ, какъ слышно, 18-ти тысячъ экземпляровъ напечатанную. Я имѣю причины просить Ваше Сіятельство доложить о семъ Государю Императору и принять неукоснительныя мѣры, чтобы издаваніе первой изъ сихъ книжекъ и разсылка второй теперь же, по крайней мѣрѣ, до ближайшаго разсмотрѣнія оной, остановить: ибо, если сія послѣдняя (т. е. Катихизисъ) повсюду разойдется, то уже дѣйствія, *ею произведеннаго отвратить будетъ не можно*. Не разсуждая уже о нѣкоторыхъ, введенныхъ въ нее, *не совсѣмъ согласныхъ съ ученіемъ нашей церкви* правилахъ (?), одно только то, что въ ней главнѣйшія молитвы, составляющія духовное наше воспитаніе и которымъ

1) Юбил. Сбор. Т. II, стр. 271—283.

каждый отецъ приучаетъ едва начинающаго еще лепетать своего сына молитвы, въ которыхъ каждая буква должна казаться намъ неприкосновенною и священною, молитвы таковыя, какъ „Отче нашъ“ и „Вѣрую во единого Бога“, также и „Заповѣди Господни“, переложены на простой языкъ, переиначены и нарочно, для сильнѣйшаго впечатлѣнія сей важной перемены, напечатаны церковными буквами: одно только сіе показываетъ уже, съ какимъ намѣреніемъ тиснута оной огромное количество“.

Этотъ доносъ на м. Филарета, какъ уже не еретика только, а и франкмасона и карбонарія—какъ на дѣятельнаго крамольника, доложенъ былъ Государю, который повелѣлъ Аракчееву и Шишкову побесѣдовать объ этомъ съ м. Серафимомъ. 4-го Ноября (1824 г.) эта бесѣда состоялась и закончилась тѣмъ, что м. Серафимъ совершенно согласился съ требованіями временщика и министра.

Извѣстія библ. общества были прекращены; катихизисы м. Филарета приостановлены распространеніемъ.

А 28 декабря м. Серафимъ принужденъ былъ письменно умолять Государя отъ имени „всей церкви“ о закрытіи библейскихъ обществъ: „соблаговоли—писалось въ прошеніи—„да сей толико важный для православія годъ увѣнчается въ исходѣ своемъ новымъ знакомъ Твоего отеческаго о насъ и о вѣрѣ отцовъ нашихъ промышленія“¹⁾.

Это „моленіе церкви“ однако же не имѣло успѣха. Им. Александръ I не далъ согласія на закрытіе Биб. Общ., имъ же основаннаго и умеръ вѣрнымъ себѣ. „Ревнителі о благѣ церкви и отечества“ успѣли добиться завершения этого злого дѣла въ царствованіе Николая Павловича. 12 Апрѣля 1826 года состоялось Высоч. повелѣніе о закрытіи библ. общества.

До какой степени была яростна ненависть враговъ библейскаго общества и широка была молва о еретичествѣ м. Филарета даже въ его епархіи—это доказываютъ слѣд. данныя:

а) Архимандритъ Фотій 1824 г. 30 Августа писалъ къ Симоновскому архимандриту Герасиму:

„Православіе торжествуетъ! Порадуйся старче преподоб-

1) Стр. 282.

ный! Нечестіе пресѣклось; *армія богохульнаго діавола паде* (это масон. партія), ересей и расколовъ *языкъ онѣмѣль* (т. е. народный языкъ библіи), общества всѣ богопротивныя (на первомъ мѣстѣ библейское) якоже адъ, сокрушились. Министръ нашъ одинъ Господь Иисусъ Христосъ во славу Бога Отца, аминь. Р. S. Молися о А. А. Аракчеевѣ; онъ явился рабъ Божій за св. Церковь и вѣру яко Георгій Побѣдоносецъ. Спаси его Господь“ 1). Не нужно, конечно, разъяснять, что письмо шифрованное, къ которому въ видѣ *postscriptuma* приложенъ и ключъ шифра.

б) 31 Дек. м. Филаретъ нашелся вынужденнымъ успокоивать свою мать насчетъ своего православія и писалъ; „Преосвящ. Митрополитъ (Серафимъ) много пишетъ мнѣ о катихизисѣ, увѣряя что о православіи его никто не сомнѣвается, но что все дѣло идетъ о русскомъ нарѣчїи“ 2).

в) И самъ предѣдатель Библ. Общества Серафимъ въ письмѣ къ Парфенію (Черткову) епископу Владимірскому писалъ: Катихизисы Преосвященнаго Московскаго остановлены потому, что въ нихъ, наипаче въ краткомъ, изложенъ Символь вѣры Деястословіе и молитва Господня русскимъ нарѣчїемъ. *Нарѣчїе сіе не будетъ слышно въ Ветхомъ завѣтѣ, а кажется, что оно очень скоро замолчитъ и въ Новомъ“* 3).

И дѣйствительно, послѣднее предсказаніе сбылось. За все тридцатилѣтнее царствованіе Имп. Николая Павловича—русское нарѣчїе молчало въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ.

Но м. Филаретъ не молчалъ.

Правда два пути его служенія были закрыты — путь катихизаціи и распространеніе слова Божія чрезъ Библ. Общество. Но мысль о зловредности его катихизиса была такъ нелѣпа, что онъ состоялъ подъ запрещеніемъ только 3 года, а затѣмъ снова увидѣла его не только вся Россія, но и западная Европа. Для м. Филарета остались еще два пути: проповѣдь съ кафедръ и присутствованіе въ Синодѣ въ качествѣ члена. И онъ использовалъ оба эти пути съ энергіею и искусствомъ—и въ награду за это едва не лишился своей епископской кафедры.

1) Свят. Филар. II. Н. Корсун. стр. 53.

2) Юбил. Сборн. II, стр. 281

3) Юб. Сбор. Т. II, стр 281.

Къ сожалѣнію, несчастная мысль о вредѣ перевода слова Божія на русскій языкъ глубоко засѣла въ сознание неразумныхъ приверженцевъ славянскаго его текста, получила широкое распространеніе и въ срединѣ царствованія доведена была до чудовищной крайности. У знаменитаго въ своемъ родѣ об. прокурора графа и гусарскаго полковника Протасова засѣла въ голову мысль канонизировать славянскій переводъ Библии—т. е. утвердить его неприкосновенность, сдѣлать его православно-русской вульгатой, именно съ тою цѣлю, чтобы простой народъ не могъ самъ разумѣть и читать Слово Божіе, а читалъ и разумѣлъ такъ, что и какъ разумѣть будетъ предписано.

Я не стану останавливаться на изложеніи этого темнаго дѣла русскаго православнаго полковника и синод. прокурора. Я укажу только какъ на доказанный фактъ, что удаленіе м. Филарета изъ Св. Синода послѣдовало за его энергичное стояніе за достоинство русскаго языка, за тщательное *изученіе* Слова Божія.

Какъ глубоко потрясла этого твердаго духомъ служителя Слову такая обида—можно видѣть изъ слѣдующаго:

а) въ письмѣ къ арх. Антонію, своему духовнику: м. Филаретъ писалъ. „Помолитесь, чтобы Господь вразумилъ меня, что я долженъ дѣлать, и скажите мнѣ благое слово совѣта. Забота не о томъ, что случилось лично со мною, а о томъ—могу ли я сколько нибудь быть полезенъ службѣ. Не указывается ли мнѣ время устраниваться, чтобы оплакивать мои грѣхи и *внѣ мятѣжа дѣль молиться о благосостояніи святыя Церкви*“.

По поводу этихъ словъ, впоследствии проф. М. Академін П. С. Казанскій писалъ: „Люди, вмѣшавшіеся не въ свое дѣло, которыхъ не жаль было метлою смести съ занимаемаго ими мѣста, мужа, замѣнить котораго можетъ быть не найдутся способные не въ одно столѣтіе, едва не принудили отказаться отъ должности“ ¹⁾.

б) „Я присутствовалъ—свидѣтельствовалъ Андрей Николаевичъ Муравьевъ—при отъѣздѣ его (Филарета) 15-го мая, и видѣлъ, какъ онъ плакалъ, прощаясь съ братією въ церкви

¹⁾ Юбил. Сборн. стр. 327.

подворья, что невольно меня поразило при его твердомъ характерѣ“¹⁾.

По какой то злой проиіи судьбы съ нашимъ знаменитымъ историкомъ, С. М. Соловьевымъ, здѣсь—въ изображеніи этого глубоко трагическаго момента нашей отечественной исторіи за XIX в. случилась весьма неприятная оказія.

Въ запискахъ своихъ онъ писалъ: „Филаретъ долженъ былъ перестать ѣздить въ Петербургъ для присутствія въ Св. Синодѣ, гдѣ шпоры Об. Прокурора, гусарскаго офицера графа Протасова, зацѣплялись за его рясу“.

„Троицкая Лавра, ему (Филарету) подчиненная непосредственно, была мѣстомъ разгула“²⁾.

Грѣхъ нашего историка не болѣе ни менѣе какъ въ томъ, состоитъ, что онъ поставилъ событія этого времени не на тѣхъ географическихъ точкахъ, на коихъ они дѣйствительно происходили, а какъ разъ на оборотъ.

Дѣло въ томъ, что въ тотъ историческій моментъ, когда праздновалъ свою побѣду надъ упорнымъ монахомъ гусарскій офицеръ въ С.-Петербургѣ и его прокурорскіе шпоры весело звенѣли въ аккордъ марша „громъ побѣды раздавайся— да здравствуетъ самодержавіе, православіе и народность“—въ это время въ Троицкой Лаврѣ и вблизи ея—на Корбухѣ, на мѣсто потѣшнаго царскаго дворца созидалась Гефсиманская обитель—Скитъ: и вотъ здѣсь то братія изъ крестьянскаго тяглаго сословія совершала въ пещерахъ и деревянномъ храмѣ Арх. Діонисія необычныя дотолѣ нощенственныя молитвы. Въ кругу этой то братіи плакалъ незримиыи слезами и горячо молился Филаретъ: плакалъ и молился о спасеніи обманутаго Царя православнаго, плакалъ и молился о униженной православной Церкви, плакалъ и молился о жестоко поруганной русской народности, поруганной въ самомъ святомъ ея сокровищѣ—языкѣ: ибо тамъ въ Петербургѣ рѣшили, что Нѣмецкій, Французскій, Англійскій и прочіе языки достойны Слова Божія, а народный русскій, подлый языкъ годится только для комедій и кабаковъ!

Нѣтъ, нельзя писать русской исторіи и за XIX в. безъ связи съ церковною исторіей!...

1) Тамъ же. стр. 329.

2) Вѣстн. Европы. Мартъ 1907.

Съ этого момента началось ужасное закрѣпощеніе Слова Божія и богословской православной науки. Заповѣдь Спасителя: „испытайте писанія“ можно было исполнять даже въ Дух. Академіяхъ только въ тихомолку, но Боже сохрани печатно высказать какую либо живую и самостоятельную попытку въ этомъ родѣ. Но этотъ тяжелый прессъ нажимался въ особенности надъ Московскою Дух. Академіею, потому только что она была въ полномъ смыслѣ Филаретовскою.

Я обращаю вниманіе на этотъ фактъ, документально уже засвидѣтельствованный, чтобы внести поправку въ слѣдующія слова записки С. М. Соловьева: „Въ ужасномъ состояніи подъ гнетомъ Филарета находилась духовная Академія и Семинарія“. Нужно—чтобы быть исторически вѣрнымъ, поправить эти слова такъ: въ ужасномъ состояніи подъ гнетомъ полковника Протасова находились Филареть и его Академія и обѣ Семинаріи. Или еще лучше поправить такъ—словами же С. М. Соловьева—страдало все православіе, вся русская земля и первымъ его страдальцемъ былъ м. Филареть.

Но прошли Николаевскія времена. Въ царствованіе Александра II совершилось раскрѣпощеніе Слова Божія и науки о немъ—совершилось исключительно благодаря м. Филарету. Искушенный страданіями, онъ тотчасъ же по совершеніи коронаціи внесъ въ Синодъ предложеніе о переводѣ Слова Божія на русскій языкъ. Хотя даже и на этотъ разъ пришлось весьма много потрудиться нашему знаменитому служителю Слова, но трудъ его увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Русская Церковь увидѣла Слово Божіе на своемъ русскомъ языкѣ, а наука Богословская, въ частности Филаретовская Академія, дала блестящіе опыты широкаго глубоко научнаго истолкованія Слова Божія или, выражаясь языкомъ м. Филарета, посѣянное имъ весною его жизни сѣмя, осенью возросло и принесло богатый плодъ.

Я позволю себѣ думать, что доказывать свои слова фактами—совершенно излишне именно здѣсь въ Филаретовской Академіи.

Я позволю себѣ еще поставить только одинъ вопросъ:

Какою силою владѣлъ м. Филареть для того, чтобы выдти такимъ славнымъ побѣдителемъ изъ ужаснаго положенія,

въ которомъ совершалось его *служеніе Слову*, его апостольское служеніе?

Есть мнѣніе, что м. Филаретъ былъ тонкій политикъ, умѣлъ льстить государямъ и сильнымъ міра. Это раздѣляетъ повидимому и С. М. Соловьевъ, утверждая что Филаретъ „рожденъ быть министромъ, что онъ любилъ сводить свои бесѣды на дворе, на императора, на свои сношенія съ царскою фамиліею“¹⁾.

Но по моему мнѣнію, такое объясненіе ничего не объясняетъ, а есть лишь еще одинъ изъ терніевъ его вѣнца. Правда, сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что всѣ три государя—уважали м. Филарета и украсили его тощую грудь столькими знаками отличія, сколько не носилъ кажется ни одинъ русскій іерархъ. Но вопросъ въ томъ, какъ же м. Филаретъ могъ достигнуть этого уваженія, какъ найти доступъ къ сердцу императоровъ, когда его всегда старались удалять отъ нихъ?

Дѣло объясняется на мой взглядъ проще. Единственное оружіе, которымъ м. Филаретъ оборонялся отъ безчисленныхъ враговъ своихъ и которымъ пролагалъ путь къ славѣ—это его проповѣдь съ епископской кафедрѣ. Вотъ его мечъ, доставившій ему побѣду.

Я позволю себѣ остановиться нѣсколько минутъ на доказательствѣ своего мнѣнія.

О проповѣдяхъ м. Филарета судъ уже произнесенъ и спеціальной наукой проповѣдничества и знатоками художественнаго и ораторскаго стиля. Сперанскій отзывался, что онъ знаетъ только два стиля: Филарета и Карамзина. С. Н. Глинка утверждалъ, что Филаретъ оживилъ краснорѣчіе Боссюэта. Но я бы желалъ обратить вниманіе на идейную сторону проповѣдей м. Филарета.

1) Изъ всѣхъ богословскихъ наукъ Филаретъ по преимуществу занимался Священнымъ Писаніемъ и Ветх. и Нов. Завѣта. Его онъ любилъ, читалъ на разныхъ языкахъ и такъ проникся этимъ библейскимъ міросозерцаніемъ и формою выраженія, что легко находилъ въ Библии и критеріи для сужденія о современныхъ ему событіяхъ и явленіяхъ современности и даже выраженія и цѣлые образы.

1) Вѣстн. Европы, 1907, Мартъ.

Страшное цензурное давленіе послужило для него постояннымъ побужденіемъ изощряться въ этомъ искусствѣ облекать явленіе современности въ эти библейскіе образы. Этотъ символизмъ языка проповѣдей Филарета въ сущности тоже, что наши публицисты называютъ Эзоповскимъ языкомъ. И вотъ проповѣдь Филарета, по внѣшности излагающая общія догматическія и нравственныя истины, сама по себѣ уже назидательная, всегда содержала отвѣтъ на какой либо вопросъ современности понятный для тѣхъ, кто имъ непосредственно интересовался. Вотъ причина — что проповѣди Филарета быстро, расходились въ рукописяхъ тотчасъ по произнесеніи быстро раскупались по напечатаніи и читались съ живѣйшимъ интересомъ.

Но какъ м. Филаретъ могъ знать современную жизнь, безвыходно проживая только у себя дома и въ храмѣ?

Въ отвѣтъ на это должно указать опять на непримѣрный *modus vivendi* Филарета: его домъ былъ открытъ для всѣхъ весь день; у него не было пріемныхъ часовъ. И вотъ къ Филарету шли и ѣхали *всѣ*. Онъ со всѣми бесѣдовалъ; точнѣе сказать, всѣхъ внимательно *выслушивалъ* и давалъ свои отвѣты на вопросы и запросы. Нѣкоторые изъ современниковъ его поражались при этомъ необыкновенною памятью его. Онъ зналъ и помнилъ все—говорили они. Филаретъ—далѣе—велъ обширную корреспонденцію съ лицами самыхъ разныхъ классовъ общества: вотъ и еще средство знать современную жизнь не выходя изъ кабинета.

Эти свойства творческаго духа м. Филарета были причиною того что съ церковной кафедры онъ выступалъ и публицистомъ, и обличителемъ, и руководителемъ всего общества русскаго даннаго момента по самымъ животрепещущимъ вопросамъ.

Вотъ нѣсколько образцовъ этого библейско символическаго языка Филаретовскихъ проповѣдей: „Войдемъ въ какое нибудь изъ обыкновенныхъ собраній въ домѣ или *на преддворіи*; поищемъ *христіанъ* между сынами вѣка сего, вслушаемся въ разговоры. Тотчасъ услышимъ ласкательство, злорѣчіе, голосъ тщеславія, корысти, смѣхъ легкомыслія, вопли нетерпѣливости, сужденія о всѣхъ, что знаютъ и чего не разумѣютъ“ ¹⁾.

¹⁾ Проф. И. Н. Корсунскій, Свят. Филаретъ, стр. 48.

Я обращу здѣсь вниманіе на одно нѣсколько странное слово: *преддворіе*. Что это такое? По созвучію оно вызываетъ въ слушателяхъ одинаковое представленіе и о *дворникахъ* и о *придворныхъ*. Вотъ и судите — гдѣ ораторъ собирается искать христіанство.

Судя по тому, что въ эти моменты какъ разъ въ Петербургѣ рѣшалась въ Аракчеевскомъ кругу участь библейскаго общества—*преддворіе*, конечно, обозначало эту „*звѣздную палату*“.

Но это еще мягко. Духовный мечъ Филарета рѣзалъ правду иногда еще рѣзче.

Въ проповѣди на 8-е Ноября (1823 г.) въ Архангельскомъ соборѣ м. Филаретъ взялъ темою препирательство Арх. Михаила съ діаволомъ о *Моисеевъ тѣлеси*. (Посл. Іуды ст. 9). И вотъ какъ обстоятельно рисуетъ онъ характеръ борцовъ. „Если представимъ одного изъ первыхъ друзей царевыхъ и одного изъ послѣднихъ рабовъ, обличеннаго въ преступленіи и осужденнаго,—разность между ними еще мала въ сравненіи съ разностію между Михаиломъ Архангеломъ и діаволомъ. Много-ли позволить предъ собой вельможа осужденному преступнику? Но Михаилъ Архангелъ позволяетъ діаволу препираться съ собою. Архангелъ Михаилъ! Онъ не смѣлъ отвѣчать безумному по его безумію. Посмотрѣли бы на сію Ангельскую распрю люди, принимающіе себѣ высокія званія, которыя однако же не выше земнаго и вспомнили бы при семъ, какъ иногда обращаются они съ людьми, которыхъ почитаютъ ниже себя. Какъ часто даже не за вину и не въ распрѣ унижаютъ подобныхъ себѣ укоризненными и хульными названіями.... Мы, за которыхъ также, и безъ сомнѣнія многократно, Ангелы Хранители наши препираются и сражаются съ діаволомъ, дабы сохранить насъ, не по нашему достоинству, но по ихъ небесному человѣколюбію, подражаемъ ли въ нашихъ земныхъ спорахъ терпѣнію и кротости небесныхъ защитниковъ нашихъ? Терпимъ ли и тогда, когда совершенно увѣрены въ несправедливости препирающихся съ нами. Сохраняемъ ли кротость и противъ явной наглости? Не часто ли, напротивъ того, съ упорствомъ и ожесточеніемъ препираемся за то, въ справедливости чего сами не увѣрены“.

Почему это м. Филарету вздумалось такъ подробно зани-

маться этимъ споромъ о *Моисеевъ тълеси*. И что такое тутъ разумѣть подь именемъ тѣла Моисеева—(конечно славянская библія). Кто тутъ Архангелъ и дьяволъ? Кто тутъ 1-й другъ царевъ и послѣдній рабъ, обличенный въ преступленіи и осужденный? Зачѣмъ тутъ о борьбѣ Ангеловъ Хранителей?

Въ отвѣтъ на эти вопросы самому придирчивому цензору Филаретъ могъ сказать: *имѣяй уши слышати да слышитъ*.

Но зная, что это произнесено въ Москвѣ 1823 г. 8 Ноября не трудно указать на лица, здѣсь называемыя почти собственными именами.

Что можно было сдѣлать съ подобнымъ проповѣдникомъ, чтобы остановить его мечъ, такъ свободно прохаживающійся по домамъ и по предворіямъ?—Одно только—заставить молчать. Но мечъ Филаретовъ обезсиливаль и это средство. Дѣло въ томъ, что никто изъ проповѣдниковъ не говорилъ такъ много проповѣдей въ царскіе дни, какъ Филаретъ. И вотъ эти-то проповѣди пролагали ему путь къ Царю, Царицѣ, Великимъ Князьямъ и Княгинямъ. Всѣ они съ интересомъ читали проповѣди Филарета. Что же онъ былъ льстецомъ въ нихъ? Далеко нѣтъ. Его любовь къ божественному слову выручали его отъ этого искушенія и опасности. Онъ бесѣдовалъ съ Царями языкомъ библейскихъ пророковъ, хвалилъ, утѣшалъ, ободрялъ, наставлялъ, раскрываль идеаль Царя, и высшіе задачи Царя христіанскаго иногда такъ свободно и прямо, какъ не отважится это сдѣлать и іерархъ конституціоннаго государства. Но вся эта бесѣда велась на чисто русскомъ языкѣ,—русскій языкъ, молчавшій въ вѣхомъ и новомъ завѣтѣ, громко раздавался въ политическихъ проповѣдяхъ м. Филарета, какъ русское *пророческое слово*.

И вотъ мнѣ думается, что тотъ, кто захотѣлъ бы написать историческій комментарий къ проповѣдямъ м. Филарета тотъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы взялъ для себя эпиграфомъ и руководствомъ тѣ слова И. С. Аксакова, которыми мы начали свое длинное и печальное слово:

„М. Филарета не стало... прервалось полустолѣтнее назиданіе всѣмъ русскимъ людямъ въ дивномъ примѣрѣ неустанно бодрствующаго и до конца бодрствовавшаго духа. Смолкло художественное, важное слово, полвѣка и болѣе полвѣка раздававшееся въ Россіи, то глубоко проникавшее

въ тайны богопознанія, то стройной и мощной красотой одѣвавшее разумъ божественныхъ истинъ.

40 лѣтъ прошло..... Рушилась громада славы!...

Строго научно рассуждая, должно сказать что рушилось въ ней только то, чему должно рушиться по волѣ Творца. Но остался неприкосновенный и цѣлый нравственный обликъ Филарета на всегда отпечатлѣвшійся въ его пророческомъ словѣ и служеніи. Остались и останки удрученнаго тѣла его, сокрытые гробницею, ставшею христіанско-народнымъ достояніемъ и охраняемою благоговѣніемъ и уваженіемъ всѣхъ, слушающихъ Слово Божіе кійждо на своемъ ему нарѣчій. Приходи каждый чтущій Слово Божіе безразлично къ вѣроисповѣданію и національности и съ благодарнымъ уваженіемъ склони свою голову предъ этою гробницею; ты обязанъ это сдѣлать: ибо здѣсь покоятся останки служителя Слову, сѣявшаго въ вѣчность Слово Божіе и положившаго душу свою за освобожденіе его отъ оковъ фанатизма и невѣжества.

Н. Заозерскій.
